

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Мистические рассказы

*Гарсиа Маркес, Астуриас,
Борхес, Кортасар, Фуэнтес*

Мигель Астуриас

Кинкаху

«Public Domain»

Астуриас М. А.

Кинкаху / М. А. Астуриас — «Public Domain»,

В увлекательных рассказах популярнейших латиноамериканских писателей фантастика чудесным образом сплелась с реальностью: магия индейских верований влияет на судьбы людей, а люди идут исхоженными путями по лабиринтам жизни. Многие из представленных рассказов публикуются впервые.

Мигель Анхель Астуриас

Кинкаху́

*(О, смелые духом,
слушающие историю Кинкаху́,
послушайте историю первую)*

Я исчез из жизни людской вовсе не потому, что умер, так было бы лучше, а потому, что меня не видят, меня не слышат, меня не чувствуют, как, например, видят, слышат, чувствуют тех, кто рубит, пилит, варит, строит, печет, мелет, носит, сеет, властвует, лечит, ткет, пишет, отмеряет, рисует, взвешивает, ваяет, поет и красит перья. Обо мне вспоминают только тогда, когда исчезает кто-нибудь из родных, и я прихожу в дом, словно призрак, словно образ самого исчезновения, но все равно на меня не смотрят, они смотрят на другого исчезнувшего, того, за которым я пришел, а если я им что-нибудь говорю, они слушают, не слыша меня, ибо слушают причитания или ненужные слова, уходящие с ветром, слова того, кто призвал меня сюда в недобрый час, а если я начинаю их обнимать, ибо объятия дают утешение, они меня не чувствуют, словно бы их обнимает не человек...

Так жаловался вслух Кинкаху́, так говорил, так разговаривал сам с собой, облекая четкие мысли в расплывчатые фразы, шевеля пальцами неподвижных рук, потому что в этот вечерний час после всех неперемных ритуальных возлияний голова у него шла кругом.

Потом он сказал, причмокнув вялым, тяжелым, шершавым языком, сладким от свежего пчелиного меда, придающего рассветный аромат напитку, который пьют при обряде исчезновения и делают из меда, древесной коры и воды, никогда не отражавшей глаз женщины, – он сказал, взболтал, вытолкнул наружу свои слова:

– Ох, поступить бы мне в услужение к Богине Голубков Отсутствия, священной Иксмукане, и перестал бы я провожать, провожать исчезающих до перекрестка четырех дорог, где я их и оставляю, когда укажу им добрый путь, выведу на дорогу, с которой им не сбиться, и втолкую им, что не умерли они, а только исчезли из мира живых! Ах, если бы я мог поступить в услужение к Богине Голубков Отсутствия, священной Иксмукане, если бы мог я пройти вспять весь тот путь, что я прошел, сопровождая исчезающих, и дойти до Врат Календарных!

А пока он так говорил, его оранжевые глазные впадины увлажнились, его слезы прорвали запруды.

– Ох, если бы я мог попасть к Вратам Календарным, меня бы уже не накрыло большое невесомое веко моей тени, я ускользнул бы от своей тени, которая всегда при нас, и прячется в нашем теле, и вечно напоминает нам, что и сами мы тоже тени, которые появляются и исчезают; веко, которое в час исчезновения есть само исчезновение, оно опускается на нас и накрывает нас целиком! Я пошел бы дальше, за Врата Календарей, по желтой циновке, сплетенной из кож светозарных змей, а все, кто по ней идет, минуют вечности, и я сделал бы несколько шагов и прошел бы весь путь, пройденный теми, кто исчез и кого я провожал, и больше никогда бы я не вернулся сюда, в Панпетак!

Он глядел на свои руки, окрашенные в синий цвет, а зубы его, тоже окрашенные, синели меж его толстых губ, которыми он все причмокивал, словно смакуя на исходе вечера дивное вино исчезновения, мечты о том, чтобы пойти в услужение к божественной Иксмукане и больше никогда не возвращаться в Панпетак.

Перед рассветом помощники постучали к нему в дом, но дверь не открылась. Сначала они стучали тихо, костяшками пальцев. Потом – кулаками. Дело в том, что пришла пора исчезать человеку, построившему массу домов из камня в Панпетаке, который раньше был весь из живого дерева, из растений: дома из стволов, крыши из пальмовых листьев, – а теперь окаменел, омертвел; пришла пора исчезнуть некоему Тугунуну, и надо было бдеть У его тела, тела пустого человека, до восхода солнца. Надо быть рядом, произносить над его телом такие слова, чтобы кости того, кто освобождается от плоти и уходит, не наполнились бы тишиной; надо петь, чтобы кости наполнились музыкой.

Когда помощникам надоело стучать в глухую дверь, они вошли в дом через курятник, переполошив сонных кур и петухов, и громко позвали:

– Кинкаху-у-у!... Кинкаху-у-у!

Круги эха замирали в рассветной дымке. Ответа не было. На кухне в маленьком пепельном вулкане еще теплился огонек. Они взяли угли, оживили дутьем и зажгли от них сосновую щепку, которая сначала затрещала смолой идохнула печальным ароматом, коснувшись огня, а потом запылала пламенем.

Постель Кинкаху была перевернута. Судя по его движениям, которые потерялись в постельном белье: повороты, верчения, удары, рывки, брыканье, коленки к груди, ноги врозь, – судя по страшному беспорядку в комнате: посуда вся перебита, скамьи сломаны, – битва была жестокая, но помощники не встревожились, а только ощерили в улыбке свои синие зубы, ибо знали, что такое случается всякий раз, когда Кинкаху бьется со змием своего ритуального опьянения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.